

Цзи Линьсюэ обернулся.

Позади него стоял мальчик лет шести-семи. На нём был безупречный белый костюм — дорогая ткань, идеальный покррой. Сам он, словно маленький принц, не знающий забот, выглядел очаровательно и трогательно.

Разглядев лицо Цзи Линьсюэ, мальчик мгновенно сменил настороженность на радостное удивление:

— А! Это ты! Я тебя помню!

Порыв ледяного ветра заставил мальчика чихнуть. Цзи Линьсюэ только сейчас заметил, что тот мелко дрожит. В такой холодище быть в одном костюме — даже ему, взрослому, неудобно, что уж говорить о ребёнке.

— Если замёрз, можешь пойти туда, — Цзи Линьсюэ указал на стеклянную оранжерею, куда его недавно привёл Гу Хэнчжи. Там всегда было тепло.

Мальчик потёр носик:

— Я знаю. А ты? Ты разве не замёрз?

— Я не боюсь холода, — бесстрастно ответил Цзи Линьсюэ, глядя на покрасневший от холода детский нос. — Ты меня знаешь?

— Конечно, знаю! Ты друг моего брата! — При этих словах мальчик пришёл в неописуемый восторг, щёки его заалели. — А ты меня помнишь? В тот день, когда снег шёл, у больницы — это был я! Меня зовут Гу Цзыси, я брат Гу Хэнчжи!

— Помню, — Цзи Линьсюэ подошёл к всё ещё тараторящему мальчику и увёл его в тёплую оранжерею. Напоил тёплой водой, подождал, пока бледная кожа порозовеет. — Сегодня твой день рождения. Почему ты здесь?

— Там, в зале, так душно, я хотел проветриться. — Мальчик задрал голову, с надеждой глядя на него. — А тебя как зовут? Вы с моим братом, наверное, очень хорошо дружите?

Цзи Линьсюэ не мог не заметить того обожания и зависти, с которыми мальчик произносил имя брата. В глазах у него прямо-таки звёзды сверкали.

Похоже, Гу Цзыси, в отличие от своей матери, вовсе не испытывал к Гу Хэнчжи вражды.

— Меня зовут Цзи Линьсюэ. Мы с твоим братом живём в одной комнате в общежитии.

— Ге Линьсюэ, — ласково, по-детски протянул мальчик. Белая кожа его залилась румянцем. Цзи Линьсюэ заметил, как его правая рука сжалась в кулачок. Спустя мгновение он спросил, с трепетом и надеждой: — А... мой брат... он когда-нибудь говорил тебе обо мне?

Цзи Линьсюэ подбирал слова осторожно:

— Он не рассказывает нам о семейных делах.

— Вот как... — Огонёк в глазах мальчика погас. Разочарование было написано на его лице крупными буквами. Но Цзи Линьсюэ не стал его утешать. Вместо этого он пододвинул к нему тарелку с пирожными. — Это он принёс. Если хочешь есть, можешь взять.

— Брат принёс? Правда можно? — получив утвердительный кивок, Гу Цзыси схватил вилочку, отломил кусочек пирожного и, едва прожевав, проглотил. — Вкусно! — восторженно выдохнул он.

Цзи Линьсюэ салфеткой вытер крошки с его губ:

— Ешь медленнее.

Когда Гу Хэнчжи, управившись с делами, зашёл в оранжерею, он застал именно эту идиллическую картину.

Плохие воспоминания нахлынули ледяной волной. В груди закололо, часто и больно. Взгляд его похолодел, он быстрым шагом подошёл к ним:

— Вы что тут делаете?

Гу Цзыси от испуга выронил вилку, всё его тело превратилось в деревянный столб:

— Брат...

— Не называй меня братом. — Голос Гу Хэнчжи был ледяным. — Ты хоть понимаешь, что тебя все ищут? Ты — главное лицо этого вечера. Без тебя половина не начнётся. Тебе уже семь лет, неужели ты не понимаешь, что это за мероприятие? Кто тебе разрешил шляться где попало?

Он говорил спокойно, не повышая тона, но каждое его слово было подобно ледяному шилу. Гу Цзыси разрыдался мгновенно. Он открыл рот, чтобы оправдаться, но, встретив взгляд брата, только прикусил губу и опустил голову:

— Я... я понял. Я больше не буду.

— Понял — так быстро возвращайся.

Гу Хэнчжи за всё время ни разу не взглянул на Цзи Линьсюэ. Закончив, он развернулся и ушёл — спина прямая, походка жёсткая, непреклонная.

Цзи Линьсюэ смотрел ему вслед. Сквозь тишину пробился слабый детский голосок:

— Ге Линьсюэ, спасибо за пирожное. — Гу Цзыси положил серебряную вилочку на столик, поднял голову и виновато покосился на него. — Кажется, я тебя подставил.

Цзи Линьсюэ молча погладил его по голове.

Они молча вернулись в бальный зал — большой и маленький. Едва Гу Цзыси переступил порог, как его тут же заключила в объятия Линь Мусинь. Лицо её выражало крайнюю степень тревоги:

— Сяоси, куда ты пропал? Ты же знаешь, как мама волнуется, когда не может тебя найти!

— Мамочка, прости, я больше не буду, — Гу Цзыси на минуту прильнул к ней, а потом указал на Цзи Линьсюэ. — Я так увлёкся разговором с этим старшим братом, что забыл про время. Но это больше не повторится.

Линь Мусинь наконец перевела взгляд на Цзи Линьсюэ. Заметив в его руках пустой поднос, она приветливо улыбнулась:

— Вы официант из «Сытин»? Как вас зовут?

«Сытин» — известный в городе S пятизвёздочный ресторан. Именно они занимались сегодняшним банкетом.

Она приняла его за официанта.

Цзи Линьсюэ не успел и рта раскрыть, как сзади раздался голос Гу Хэнчжи:

— Это мой одноклассник, а не нанятый вами официант.

Линь Мусинь изменилась в лице мгновенно. Улыбка на её лице стала натянутой, фальшивой:

— Вот как...

Она отвела взгляд от них двоих, руки её, державшие Гу Цзыси, невольно напряглись, словно струна.

— Пора разрезать торт, Сяоси. Пойдём.

Цзи Линьсюэ смотрел, как она, не снижая скорости на высоких каблуках, почти бежит прочь. Странное ощущение не отпускало его.

Ещё тогда, у больницы, он заметил: Линь Мусинь не столько ненавидит Гу Хэнчжи, сколько боится его. Боится так, словно он — дикий зверь, готовый наброситься.

Он хотел спросить об этом Гу Хэнчжи, обернулся — но за спиной было пусто.

Наступила заключительная часть вечера. Официанты выкатили семярусный торт — забавный, с детскими мотивами.

Свет приглушили. В центре всеобщего внимания, по обе стороны от Гу Цзыси, стояли Гу Фэнъянь и Линь Мусинь. Гу Цзыси задул свечи. Гу Фэнъянь, взяв его маленькую ручку в свою, сделал первый разрез.

— Первый кусочек я хочу подарить маме! — радостно объявил Гу Цзыси. — Без мамы меня бы не было!

Линь Мусинь закрыла рот ладонью, на глазах у неё блестели слёзы:

— Сяоси такой хороший!

— А второй кусочек — папе! Папа у меня самый лучший на свете!

Гу Фэнъянь расхохотался, сияя от удовольствия:

— Вот это мой сын! А ну-ка дай папе тебя поцеловать!

Какая трогательная, гармоничная семья.

Цзи Линьсюэ машинально искал глазами Гу Хэнчжи, но не нашёл даже края его одежды.

Никто о нём не вспоминал. Казалось, все, кроме него самого, уже забыли о существовании Гу

Хэнчжи.

Шэнь Шаоянь выбрался из толпы:

— Ты Хэн-гэ не видел?

Лу Юй, возникший у него за спиной, равнодушно заметил:

— Он этот торт есть не будет. Уже ушёл, сто процентов.

— А вы знаете, куда он мог пойти?

Шэнь Шаоянь пожал плечами:

— Трудно сказать. Но одно я знаю точно: сегодня он в доме Гу не останется.

У Цзи Линьсюэ созрел план. Он хлопнул Шэнь Шаояня по плечу:

— Одолжи мне на время своего водителя.

— Без проблем.

Цзи Линьсюэ быстро покинул поместье Гу. Шэнь Шаоянь смотрел вслед удаляющейся машине, и в голове у него постепенно прояснялось: они оба поехали искать Хэн-гэ, так почему же Цзи Линьсюэ его с собой не взял???

Поместье стояло в довольно уединённом месте. Вдоль дороги горели фонари, но людей не было видно.

Если Гу Хэнчжи ушёл пешком, за это время он не мог уйти далеко.

Цзи Линьсюэ набрал его номер. К его удивлению, Гу Хэнчжи ответил.

В трубке было тихо, только ветер завывал. Оба молчали. Наконец Цзи Линьсюэ спросил:

— Ты где?

Голос Гу Хэнчжи звучал хрипло:

— А с чего бы мне тебе говорить?

— Мы же друзья.

Гу Хэнчжи коротко усмехнулся:

— Друзья? Мне сейчас не до этого.

С этими словами он повесил трубку. Цзи Линьсюэ слушал гудки, и брови его медленно сходились к переносице.

Если Гу Хэнчжи не бродит где попало, мест, куда он мог бы пойти, не так уж много.

В оригинале, кажется, упоминалось одно такое место. Цзи Линьсюэ тут же перезвонил Шэнь Шаояню, выяснил адрес и передал его водителю. Через полчаса они остановились у ворот кладбища.

Водитель покосился на тёмный, зловещий проём и неуверенно спросил:

— Молодой человек, вы уверены, что это здесь?

— Да, — кивнул Цзи Линьсюэ. — Подождите меня тут, я скоро.

Зимой на кладбищах народу мало, охрана тоже не бдит. Цзи Линьсюэ без труда пробрался внутрь и, поднимаясь всё выше по дорожке, наконец заметил знакомый силуэт.

Гу Хэнчжи стоял у надгробия. На нём была чёрная пуховая куртка — в темноте он почти сливался с ночью.

— Гу Хэнчжи.

Цзи Линьсюэ, ориентируясь на тусклый свет, подошёл к нему.

Гу Хэнчжи повернул голову. Голос его был холоден, как в первые дни их знакомства:

— Как ты узнал, где я?

— Спросил у Шэнь Шаояня.

— Язык без костей, — скривился Гу Хэнчжи и, не добавив больше ни слова, снова уставился на фотографию на памятнике.

Цзи Линьсюэ проследил за его взглядом. Женщина на фото была прекрасна. Она улыбалась — интеллигентно, с достоинством.

— Тётушка очень красивая. Вы с ней похожи.

Гу Хэнчжи покосился на него, но ничего не сказал.

Они стояли молча, словно два столба. Налетел ветер, и Цзи Линьсюэ чихнул.

Гу Хэнчжи невольно обернулся. Только сейчас он заметил, что тот всё ещё в том же костюме, в котором был на банкете, только сверху наброшена тонкая куртка.

— Ты что, с ума сошёл? В такой холод — и так мало одет?

Цзи Линьсюэ смотрел на него, губы его побелели:

— Я другую не взял.

— Не надо так стараться, чтобы мне угодить, — Гу Хэнчжи заставил себя оставаться жёстким.
— Как сегодня — с тем мальчишкой. Детей угождать проще, чем мне, со скверным характером.

— Это другое, — Цзи Линьсюэ покачал головой. Взгляд его был серьёзен. — Я не старался ему угодить. На его месте мог быть любой другой ребёнок — я бы сделал то же самое.

От этих слов у Гу Хэнчжи немного отлегло от сердца. Даже нахмуренные брови его разгладились.

— Ты очень скучаешь по матери?

Прошло несколько секунд, прежде чем Гу Хэнчжи осознал, что это спросил Цзи Линьсюэ. Он облизал пересохшие губы:

— Скучаю — не то слово. Она умерла, когда я был совсем маленьким. Я её почти не помню. Дома нет её фотографий. Только здесь, приходя сюда, я могу вспомнить, как она выглядела.

— Хочешь, пойдём со мной в одно место? — предложил Цзи Линьсюэ.

Гу Хэнчжи вопросительно посмотрел на него.

Полтора часа спустя они вышли из машины на оживлённом перекрёстке.

Был уже десятый час, но улица ломилась от народа. Господин Гу, наследник империи, отродясь не бывал в таких людных местах, и выражение лица у него было соответствующее — крайне недовольное.

— И это то самое «интересное место», о котором ты говорил?

— Именно, — Цзи Линьсюэ, пребывавший в отличном расположении духа, чуть заметно улыбнулся и, не дожидаясь реакции Гу Хэнчжи, потянул его за запястье в самую гущу.

Гу Хэнчжи и опомниться не успел, как его уже тащили сквозь толпу. Шум голосов, запахи еды — всё это сплеталось в причудливую картину, по которой они, словно по живому полотну, пробирались вперёд.

Цзи Линьсюэ подвёл его к лотку с засахаренными фруктами на палочке и купил две.

В следующую секунду Гу Хэнчжи уже держал в руке ярко-красное яблоко в карамели.

Скривившись, он буркнул:

— Слишком сладко, я такое не ем.

Цзи Линьсюэ не дал ему возможности отказаться — просто ткнул этой палочкой ему прямо в губы.

— Эй! — возмутился Гу Хэнчжи.

Цзи Линьсюэ с улыбкой смотрел на него:

— Сначала попробуй.

Гу Хэнчжи, с крайне недовольным видом, откусил кусочек. Хрустящая карамель, кисло-сладкое яблоко — вкус оказался на удивление гармоничным, несколько не приторным.

— Ну как? — спросил Цзи Линьсюэ.

— Сойдёт, — буркнул Гу Хэнчжи и откусил ещё.

Они гуляли по улочке, пробуя всё подряд. С утра на банкете они почти ничего не ели, желудки были пусты — что только способствовало их кулинарному туру.

Увидев лоток с печёным бататом и кукурузой, Цзи Линьсюэ купил две картофелины. Они были ещё горячими, только что из печи.

Он содрал обуглившуюся шкурку — открылась золотистая, рассыпчатая мякоть, из которой сочился сладкий сок. Аромат стоял умопомрачительный. Даже у Гу Хэнчжи непроизвольно дёрнулся кадык.

— Попробуешь?

Гу Хэнчжи взял ложку, зачерпнул — мягкая, сладкая мякоть таяла во рту.

Оба батата они умяли за милую душу.

Сытость, как известно, располагает к благодушию. Гу Хэнчжи наконец-то спрятал свои шипы, и они медленно брели по парку, наслаждаясь тишиной.

Никто не решался заговорить первым — боялись разрушить эту хрупкую гармонию.

Сколько прошло времени — неизвестно, но вдруг Цзи Линьсюэ остановился. Он достал из пакета маленький пирожное — размером с ладонь — и, повернувшись к юноше, мягко улыбнулся.

— Гу Хэнчжи, с днём рождения.

Тот замер. Достал телефон — ровно полночь. Начался новый день.

Уже не день рождения Гу Цзыси. Никакой Линь Мусинь, никакого Гу Фэнъяня. Только он, Гу Хэнчжи, и его день рождения.

Пирожное было крошечным. Цзи Линьсюэ откусил всего раз — остальное доел Гу Хэнчжи.

— Когда ты успел его купить? Я и не заметил.

— Пока ты расправлялся с шашлычками, — ответил Цзи Линьсюэ. — Если бы ты увидел, это был бы уже не сюрприз.

— Спасибо, — Гу Хэнчжи опустил глаза. — Это мой третий день рождения.

Цзи Линьсюэ не понял:

— Третий?

— Первые два мне устраивала Лянь Мусинь, — Гу Хэнчжи назвал имя, которое Цзи Линьсюэ меньше всего ожидал услышать.

Была уже глубокая ночь, вокруг ни души.

И Гу Хэнчжи вдруг охватило небывалое желание выговориться. Всю боль, все обиды, накопившиеся за долгие годы, хотелось выплеснуть, рассказать этому человеку, стоящему рядом.

— Понимаешь, сначала у нас с ними были не такие уж плохие отношения.

Цзи Линьсюэ обернулся на звук.

Позади него стоял мальчик лет шести-семи, облачённый в безупречный белый костюм из дорогой ткани, сшитый с той изысканной простотой, которая доступна лишь настоящим мастерам. Сам он, словно маленький принц из старинной сказки, ещё не ведающий горестей этого мира, выглядел до невозможности трогательно и очаровательно.

Вглядевшись в лицо Цзи Линьсюэ, мальчик в одно мгновение сменил настороженность в глазах на неподдельную, искрящуюся радость.

— А! Это ты! Я тебя помню! — воскликнул он, и голосок его прозвучал чистым колокольчиком в морозном воздухе.

Налетевший порыв ледяного ветра заставил мальчика звонко чихнуть. Цзи Линьсюэ только сейчас заметил, что тот мелко дрожит, кутаясь в свой нарядный, но совершенно не греющий костюм. В такой холод даже ему, взрослому, было зябко, что уж говорить о ребёнке.

— Если замёрз, можешь пойти туда, — Цзи Линьсюэ указал на стеклянную оранжерею, куда его незадолго до этого привёл Гу Хэнчжи. Там, за прозрачными стенами, всегда было тепло и уютно.

Мальчик потёр покрасневший носик.

— Я знаю, — кивнул он. — А ты? Ты разве не замёрз?

— Я не боюсь холода, — бесстрастно, но без тени высокомерия ответил Цзи Линьсюэ, глядя на

его покрасневшее от мороза личико. — Ты меня знаешь?

— Конечно, знаю! Ты друг моего брата! — При этих словах мальчика словно подменили: глаза его засияли, щёки вспыхнули румянцем, он весь светился от счастья. — А ты меня помнишь? В тот день, когда снег шёл, у больницы — это был я! Меня зовут Гу Цзыси, я брат Гу Хэнчжи!

— Помню, — тихо ответил Цзи Линьсюэ, и на губах его мелькнула тень улыбки. Он подошёл к всё ещё взволнованно тараторящему мальчику и мягко, но настойчиво увлёк его в тёплую оранжерею. Напоил тёплой водой из графина, подождал, пока бледная кожа на лице и руках порозовеет, возвращая себе здоровый вид. — Сегодня твой день рождения. Почему ты здесь, а не там, со всеми?

— Там, в зале, так душно, — мальчик наморщил носик. — Я хотел проветриться, подышать воздухом. — Он задрал голову и с надеждой, даже с каким-то молитвенным выражением заглянул Цзи Линьсюэ в глаза. — А тебя как зовут? Вы с моим братом, наверное, очень-очень хорошо дружите?

Цзи Линьсюэ не мог не заметить того трепетного обожания и тихой, щемящей зависти, с которыми мальчик произносил имя брата. В его огромных глазах, казалось, зажглись миллионы маленьких звёздочек.

Похоже, Гу Цзыси, в отличие от своей матери, вовсе не питал к Гу Хэнчжи вражды. Напротив, он боготворил его.

— Меня зовут Цзи Линьсюэ, — сказал он, присаживаясь на корточки, чтобы быть с мальчиком на одном уровне. — Мы с твоим братом живём в одной комнате в школе.

— Ге Линьсюэ, — ласково, по-детски, словно пробуя имя на вкус, протянул Гу Цзыси. Белая, почти фарфоровая кожа его залилась нежным румянцем. Цзи Линьсюэ заметил, как его маленькая правая ручка сжалась в кулачок. Помявшись, словно решаясь на что-то очень важное, он спросил, с замиранием сердца: — А... мой брат... он когда-нибудь говорил тебе обо мне?

Цзи Линьсюэ подбирал слова осторожно, стараясь не ранить эту хрупкую, трепетную душу.

— Он не рассказывает нам о семейных делах, — мягко, но честно ответил он.

— Вот как... — Огонёк в глазах мальчика мгновенно погас, словно кто-то задул свечу. Разочарование было написано на его лице крупными, отчётливыми буквами. Но Цзи Линьсюэ не стал его утешать пустыми словами. Вместо этого он просто пододвинул к нему тарелку с пирожными, которую принёс Гу Хэнчжи.

— Это он принёс, — пояснил Цзи Линьсюэ. — Если хочешь есть, можешь взять.

— Брат принёс? — Гу Цзыси распахнул глаза ещё шире. — Правда? Можно?

Получив утвердительный кивок, он, словно боясь, что передумают, схватил маленькую вилочку, отломил кусочек пирожного и, едва прожевав, поспешно проглотил.

— Вкусно! — выдохнул он, и лицо его озарилось блаженной улыбкой.

Цзи Линьсюэ мягко, но настойчиво вытер салфеткой крошки, прилипшие к его губам.

— Ешь медленнее, — сказал он. — Никто не отнимет.

Когда Гу Хэнчжи, закончив со всеми делами, заглянул в оранжерею, он застал именно эту идиллическую, пронзительно-нежную картину.

Плохие воспоминания нахлынули на него ледяной, обжигающей волной. В груди закололо часто и больно, словно сотнями игл. Взгляд его мгновенно похолодел, стал колючим и чужим. Он быстрым, решительным шагом подошёл к ним.

— Вы что тут делаете? — спросил он, и в голосе его не было ни капли тепла.

Гу Цзыси от испуга выронил вилку, и она со звоном упала на пол. Всё его маленькое тело превратилось в один сплошной комок напряжения, в деревянный столбик.

— Брат... — прошептал он, и голос его дрогнул.

— Не называй меня братом, — голос Гу Хэнчжи был ледяным, каждый звук, казалось, покрывался инеем. — Ты хоть понимаешь, что тебя все ищут? Ты — главное лицо этого вечера. Без тебя половина церемоний не начнётся. Тебе уже семь лет, неужели ты не понимаешь, что это за мероприятие? Кто тебе разрешил шляться где попало?

Он говорил на удивление спокойно, не повышая тона, но каждое его слово было подобно острому, как бритва, ледяному шилу, вонзающемуся в самое сердце. Гу Цзыси разрыдался мгновенно, слёзы градом покатались по его пухлым щекам. Он открыл рот, чтобы оправдаться, чтобы объяснить, но, встретив этот тяжёлый, чужой взгляд брата, только прикусил губу и покорно опустил голову.

— Я... я понял, — выдавил он сквозь всхлипывания. — Я больше не буду.

— Понял — так быстро возвращайся, — отрезал Гу Хэнчжи.

За всё это время он ни разу не взглянул на Цзи Линьсюэ. Закончив, он резко развернулся и

зашагал прочь — спина прямая, как струна, походка жёсткая, непреклонная, не оставляющая ни малейшей надежды на примирение.

Цзи Линьсюэ смотрел ему вслед, и в ушах его, сквозь шум ветра, пробился слабый, надломленный детский голосок.

— Ге Линьсюэ, спасибо за пирожное, — прошептал Гу Цзыси, аккуратно положив серебряную вилочку на столик. Он поднял голову и виновато, с затаённой тревогой, покосился на него. — Кажется, я тебя подставил. Прости.

Цзи Линьсюэ ничего не ответил. Он просто молча погладил его по мягким, шелковистым волосам.

Они вернулись в бальный зал — высокий и маленький, рука об руку, но каждый в своём молчании. Едва Гу Цзыси переступил порог, как его тут же заключила в тревожные объятия Линь Мусинь. Лицо её, искажённое страхом, выражало крайнюю степень беспокойства.

— Сяоси! — воскликнула она, прижимая сына к себе. — Где ты пропадал? Ты же знаешь, как мама волнуется, когда не может тебя найти!

— Мамочка, прости, — Гу Цзыси на мгновение прильнул к ней, ища защиты, а потом, высвободившись, указал на Цзи Линьсюэ. — Я так увлёкся разговором с этим старшим братом, что совсем забыл про время. Честно-честно, это больше не повторится.

Линь Мусинь наконец перевела взгляд на Цзи Линьсюэ. Увидев в его руках пустой поднос из-под пирожных, она мило, по-светски улыбнулась.

— Вы, должно быть, официант из «Сытин»? — спросила она с доброжелательной, но несколько высокомерной интонацией. — Как вас зовут?

«Сытин» был известнейшим в городе S пятизвёздочным рестораном, и именно они обслуживали сегодняшний банкет.

Она приняла его за прислугу.

Цзи Линьсюэ не успел и рта раскрыть, как сзади раздался ледяной, чеканный голос Гу Хэнчжи.

— Это мой одноклассник, — сказал он, выступая из тени. — А не нанятый вами официант.

Линь Мусинь изменилась в лице мгновенно. Улыбка на её устах стала натянутой, неестественной, словно приклеенной.

— Вот как... — только и смогла вымолвить она.

Она поспешно отвела взгляд от них двоих, руки её, судорожно сжимавшие ладошку Гу Цзыси, невольно напряглись, как натянутые струны.

— Пора разрезать торт, Сяоси, — сказала она, и голос её дрогнул. — Пойдём.

Цзи Линьсюэ смотрел, как она, не снижая скорости на высоченных шпильках, почти бежит прочь, увлекая за собой сына. Странное, тревожное чувство не отпускало его.

Ещё тогда, у больницы, он заметил: Линь Мусинь не столько ненавидит Гу Хэнчжи, сколько боится его. Боится так, словно перед ней не подросток, а дикий, непредсказуемый зверь, готовый в любой момент наброситься.

Он хотел спросить об этом Гу Хэнчжи, обернулся — но за его спиной было пусто. Только лёгкий ветерок колыхал тяжёлые портьеры.

Наступила заключительная, самая торжественная часть вечера. Официанты в безупречных livреях выкатили огромный семиярусный торт, выполненный в виде забавного сказочного замка — настоящий шедевр кондитерского искусства.

Свет в зале приглушили, оставив лишь несколько точечных софитов, направленных на центр. В мягком полумраке, в кругу всеобщего внимания, по обе стороны от именинника стояли Гу Фэнъянь и Линь Мусинь. Гу Цзыси, сияя счастливой улыбкой, задул свечи. Гу Фэнъянь, взяв его маленькую ручку в свою, помог сделать первый разрез.

— Первый кусочек я хочу подарить маме! — звонко объявил Гу Цзыси. — Потому что без мамы меня бы на свете не было!

Линь Мусинь закрыла рот ладонью, на глазах у неё заблестели неподдельные слёзы умиления.

— Сяоси, какой же ты у меня хороший! — прошептала она растроганно.

— А второй кусочек — папе! — продолжал мальчик. — Папа у меня самый лучший, самый замечательный на всём белом свете!

Гу Фэнъянь расхохотался, сияя от удовольствия и родительской гордости.

— Вот это мой сын! — воскликнул он. — А ну-ка дай папе тебя расцеловать!

Какая трогательная, гармоничная, идеальная семья. Просто картинка с обложки глянцевого

журнала.

Цзи Линьсюэ машинально, повинаясь какому-то внутреннему порыву, искал глазами Гу Хэнчжи. Он обвёл взглядом зал, но не нашёл даже края его одежды. Никто не вспоминал о нём. Казалось, все присутствующие, кроме него самого, уже забыли о самом факте его существования.

Шэнь Шаоянь с трудом выбрался из плотной толпы гостей и подошёл к нему.

— Ты Хэн-гэ не видел? — спросил он, запыхавшись.

Лу Юй, бесшумно возникший у него за спиной, равнодушно, но уверенно заметил:

— Он этот торт есть не будет. Слишком много яда. Уже ушёл, сто процентов.

— А вы знаете, куда он мог пойти? — спросил Цзи Линьсюэ, чувствуя, как внутри закипает тревога.

Шэнь Шаоянь пожал плечами.

— Трудно сказать, — признался он. — Но одно я знаю точно: сегодня ночевать в доме Гу он не останется.

У Цзи Линьсюэ мгновенно созрел план. Он решительно хлопнул Шэнь Шаояня по плечу.

— Одолжи мне на время своего водителя, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

— Без проблем, — удивился тот, но спорить не стал.

Цзи Линьсюэ быстро, почти бегом, покинул роскошное, но такое чужое поместье Гу. Шэнь Шаоянь смотрел вслед удаляющимся огням машины, и в голове у него медленно, но верно прояснялось: они оба поехали искать Хэн-гэ. Так почему же Цзи Линьсюэ его с собой не взял?!

Поместье Гу располагалось в довольно уединённом, элитном месте. Вдоль идеально ровной дороги через равные промежутки горели стилизованные под старину фонари, но людей не было видно совершенно.

Если Гу Хэнчжи ушёл пешком — а судя по его состоянию, это было наиболее вероятно, — за это время он не мог уйти далеко.

Цзи Линьсюэ набрал его номер. К его крайнему удивлению, Гу Хэнчжи ответил после второго

гудка.

В трубке было тихо, только ветер уныло завывал вдалеке. Оба молчали, словно проверяя друг друга на прочность. Наконец Цзи Линьсюэ не выдержал первым.

— Ты где? — спросил он, и в голосе его прозвучала непривычная для него самая мягкость.

Голос Гу Хэнчжи в ответ прозвучал хрипло, надломленно.

— А с чего бы мне тебе говорить? — с вызовом спросил он.

— Мы же друзья, — тихо, но твёрдо ответил Цзи Линьсюэ.

Гу Хэнчжи коротко, горько усмехнулся.

— Друзья? — переспросил он, и в этом слове слышалась такая бездна боли и разочарования, что у Цзи Линьсюэ защемило сердце. — Сейчас мне никто не нужен.

И, не дожидаясь ответа, он отключился.

Цзи Линьсюэ слушал короткие, безнадёжные гудки, и брови его медленно, но неумолимо сходились к переносице.

Если Гу Хэнчжи не бродит по округе без цели, мест, куда он мог бы пойти в таком состоянии, не так уж много.

В оригинале, кажется, упоминалось одно такое место — там он искал утешения. Цзи Линьсюэ, не теряя ни секунды, перезвонил Шэнь Шаояню, выяснил адрес и передал его водителю. Через полчаса они остановились у массивных, кованых ворот городского кладбища.

Водитель, мужчина средних лет, выдавший виды, покосился на тёмный, зловеще-молчаливый проход и невольно поёжился.

— Молодой человек, — спросил он с сомнением в голосе, — вы точно уверены, что это здесь? Место-то какое-то... невесёлое.

— Да, — твёрдо кивнул Цзи Линьсюэ. — Подождите меня тут, пожалуйста. Я скоро.

Зимой на кладбищах безлюдно, охрана, если она вообще была, тоже не слишком усердствовала. Цзи Линьсюэ без труда миновал неприметную калитку и, поднимаясь всё выше по узкой, извилистой дорожке, наконец заметил впереди, в неверном свете редких фонарей, знакомый,

до боли знакомый силуэт.

Гу Хэнчжи стоял у одного из старых надгробий, застыв, словно изваяние. На нём была чёрная пуховая куртка, и в темноте он почти полностью сливался с ночью, становясь её неотъемлемой частью.

— Гу Хэнчжи, — позвал Цзи Линьсюэ, и голос его эхом разнёсся в морозной тишине.

Он подошёл ближе, ориентируясь на тусклый, дрожащий свет одинокого фонаря, и наконец встал рядом.

Гу Хэнчжи медленно повернул голову. Голос его, когда он заговорил, был холоден и отстранён, словно в первые, самые трудные дни их знакомства.

— Как ты узнал, где я? — спросил он без тени удивления, скорее для проформы.

— Спросил у Шэнь Шаояня, — честно ответил Цзи Линьсюэ.

— Язык без костей, — Гу Хэнчжи криво усмехнулся и, не добавив больше ни слова, снова уставился на фотографию на памятнике.

Цзи Линьсюэ проследил за его взглядом. Женщина на старой, чуть выцветшей фотографии была прекрасна той спокойной, благородной красотой, которая не подвластна времени. Она мягко, чуть загадочно улыбалась, и во всём её облике чувствовались интеллигентность и врождённое достоинство.

— Тётушка очень красивая, — тихо сказал Цзи Линьсюэ. — Вы с ней похожи.

Гу Хэнчжи покосился на него, но ничего не ответил. Они стояли молча, словно два часовых на посту, охраняющих вечный покой этого места. Налетел порыв ледяного ветра, и Цзи Линьсюэ, не сдержавшись, чихнул.

Гу Хэнчжи невольно обернулся. Только сейчас, приглядевшись, он заметил, что тот всё ещё в том самом тонком костюме, в котором был на банкете, лишь на плечи наброшена лёгкая, совершенно не греющая куртка.

— Ты что, с ума сошёл? — в голосе его против воли прозвучала тревога. — В такой холод — и так мало одет?

Цзи Линьсюэ посмотрел на него, губы его побелели и мелко подрагивали.

— Я другую не взял, — просто ответил он.

— Не надо так стараться, чтобы мне угодить, — Гу Хэнчжи заставил себя оставаться жёстким, хотя внутри у него всё сжималось от жалости и какой-то новой, незнакомой нежности. — Как сегодня — с тем мальчишкой. Детям угождать проще, чем мне, со скверным характером. Они за подарок душу продадут.

— Это другое, — Цзи Линьсюэ покачал головой, и взгляд его, устремлённый на Гу Хэнчжи, был серьёзен до дрожи. — Я не старался ему угодить. Я просто... не могу иначе. На его месте мог быть любой другой ребёнок — я бы сделал то же самое. Это не имеет отношения к тому, чей он брат.

От этих простых, безыскусных слов у Гу Хэнчжи немного отлегло от сердца. Даже нахмуренные, словно каменные, брови его заметно разгладились.

— Ты очень скучаешь по матери? — спросил вдруг Цзи Линьсюэ.

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем Гу Хэнчжи осознал, что вопрос обращён к нему. Он облизал пересохшие, потрескавшиеся на ветру губы.

— Скучаю — не то слово, — ответил он наконец, и голос его дрогнул. — Она умерла, когда я был совсем маленьким. Я её почти не помню. Только отдельные, смутные образы... Её руки, кажется, были тёплыми. Дома нет её фотографий. Отец велел убрать. Только здесь, приходя сюда, я могу вспомнить, как она выглядела на самом деле. Смотрю на эту карточку и вспоминаю.

— Хочешь, пойдём со мной в одно место? — неожиданно предложил Цзи Линьсюэ.

Гу Хэнчжи с недоумением, смешанным с любопытством, посмотрел на него.

Полтора часа спустя они вышли из машины на шумном, ярко освещённом перекрёстке, в самом сердце ночного города.

Был уже далеко за полночь, но улица, вопреки всему, ломилась от народа. Господин Гу, наследник огромной финансовой империи, отродясь не бывал в таких людных, суетливых и, прямо скажем, не самых респектабельных местах, и выражение лица у него было соответствующее — откровенно брезгливое и крайне недовольное.

— И это то самое «интересное место», о котором ты с таким пафосом вещал? — спросил он, с вызовом глядя на спутника.

— Именно оно, — Цзи Линьсюэ, пребывавший в неожиданно приподнятом, почти счастливом расположении духа, чуть заметно, загадочно улыбнулся и, не дожидаясь реакции, решительно

потянул Гу Хэнчжи за запястье в самую гущу.

Гу Хэнчжи и опомниться не успел, как его уже тащили сквозь пёструю, разношёрстную толпу. Гул голосов, обрывки музыки из открытых дверей кафешек, дразнящие, умопомрачительные запахи уличной еды — всё это сплеталось в причудливый, пьянящий коктейль, по которому они, словно по живому, дышащему полотну, пробирались всё дальше и дальше.

Цзи Линьсюэ подвёл его к небольшому, но оживлённому лоточнику, торгующему засахаренными фруктами на палочках, и купил две порции — ярко-красные яблоки в толстой, аппетитно поблёскивающей карамели.

В следующую секунду Гу Хэнчжи уже держал в руке это липкое, непривычное лакомство.

Скривившись, как от зубной боли, он буркнул:

— Слишком приторно, я такое не ем. Это для детей.

Цзи Линьсюэ не дал ему возможности для дальнейших возражений — он просто, без лишних слов, ткнул этой палочкой ему прямо в губы.

— Эй! — возмущённо воскликнул Гу Хэнчжи, от неожиданности даже отшатнувшись.

Цзи Линьсюэ, не убирая палочки, смотрел на него с ласковой, чуть насмешливой улыбкой.

— Сначала попробуй, а потом критикуй, — сказал он.

Гу Хэнчжи, с видом мученика, идущего на плаху, нехотя откусил маленький кусочек. Хрустящая, тонкая, как стекло, карамель, и под ней — кисловатое, сочное, прохладное яблоко. Вкус оказался на удивление гармоничным, совсем не приторным, а даже освежающим.

— Ну как? — спросил Цзи Линьсюэ, с интересом наблюдая за сменой эмоций на его лице.

— Сойдёт, — буркнул Гу Хэнчжи, стараясь не показывать, как ему на самом деле понравилось, и тут же, чтобы не выдать себя, откусил ещё, уже гораздо больше.

Они бродили по ночной улице, пробуя всё подряд — от пряных, дымящихся шашлычков до хрустящих, обжигающе-горячих блинчиков с самыми разными начинками. С утра на банкете они, по сути, ничего не ели, только делали вид, и теперь пустые желудки требовали своё, с лихвой вознаграждая их за долгое воздержание.

Увидев лоток с печёным бататом и кукурузой, Цзи Линьсюэ, не сговариваясь, купил две

крупные, рассыпчатые картофелины. Они были ещё обжигающе горячими, только что из угля.

Он ловко содрал с одной обуглившуюся, потрескавшуюся шкурку, и взору открылась золотистая, словно мёд, рассыпчатая мякоть, из которой тут же потёк густой, ароматный, сладкий сок. Запах стоял такой, что у Гу Хэнчжи, при всём его снобизме, непроизвольно дёрнулся кадык.

— Попробуешь? — Цзи Линьсюэ протянул ему картофелину вместе с ложкой.

Гу Хэнчжи взял, зачерпнул ложкой нежную, тающую во рту мякоть — и закрыл глаза от удовольствия. Такого он, кажется, не ел никогда в жизни.

Оба батата они уничтожили за считанные минуты, даже не проронив ни слова.

Сытость, как известно, располагает к благодушию и умиротворению. Гу Хэнчжи наконец-то спрятал свои колючки, расслабился, и они медленно, никуда не торопясь, побрели по пустынному ночному парку, наслаждаясь тишиной и покоем после шумной улицы.

Никто не решался заговорить первым — оба боялись разрушить эту хрупкую, едва установившуюся гармонию.

Сколько прошло времени — неизвестно, но вдруг Цзи Линьсюэ остановился. Он порылся в пакете, который всё это время носил с собой, и извлёк оттуда маленькую коробочку. В ней оказался крошечный, размером с ладонь, тортик, украшенный одной-единственной свечой. Он повернулся к Гу Хэнчжи и мягко, почти несмело улыбнулся.

— Гу Хэнчжи, — сказал он тихо, но внятно. — С днём рождения.

Гу Хэнчжи замер, словно громом поражённый. Он машинально достал телефон, взглянул на экран — ровно полночь. Начался новый день.

Уже не день рождения Гу Цыси, не праздник, устроенный для чужих людей. Никакой Линь Мусинь, никакого равнодушного Гу Фэнъяня. Только он, Гу Хэнчжи, и его собственный, никем не замеченный, день рождения.

Тортик был смехотворно мал. Цзи Линьсюэ для приличия откусил крошечный кусочек — остальное, не сговариваясь, доел Гу Хэнчжи, смакуя каждую сладкую крошку.

— Когда ты успел его купить? — спросил он, с трудом веря в происходящее. — Я и не заметил.

— Пока ты с увлечением расправлялся с шашлычками, — с лёгкой улыбкой ответил Цзи Линьсюэ. — Если бы ты увидел, это был бы уже не сюрприз.

— Спасибо, — Гу Хэнчжи опустил глаза, пряча наворачивающуюся вдруг влагу. — Это... это мой третий день рождения.

Цзи Линьсюэ не понял.

— Третий?

— Первые два мне устраивала... она, — Гу Хэнчжи с трудом выдавил из себя имя: — Линь Мусинь.

Была уже глубокая ночь, вокруг — ни души, только тишина, нарушаемая редким шорохом листвы под ногами. И Гу Хэнчжи вдруг охватило небывалое, почти физическое желание выговориться. Всю боль, все обиды, все разочарования, копившиеся долгие, бесконечные годы, хотелось выплеснуть, рассказать этому человеку, стоящему рядом и смотрящему на него с такой бесконечной, всепонимающей добротой.

— Понимаешь, — начал он, и голос его звучал глухо, словно издалека, — сначала у нас с ними были не такие уж плохие отношения.

Цзи Линьсюэ молча слушал, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть эту внезапную, почти невероятную откровенность.

— Мать умерла рано, — продолжал Гу Хэнчжи, и голос его звучал ровно, почти безжизненно, словно он читал вслух чужую, давно заученную наизусть историю. — Отец меня никогда особенно не жаловал. Вечно занят, вечно где-то далеко. А в семь лет в нашем доме появилась Линь Мусинь. — Он сделал паузу, и в тишине отчетливо послышалось его дыхание. — Я был... счастлив. Она была ко мне добра. По-настоящему добра. Наконец-то в этом огромном, ледяном особняке, вместо вечно молчащих стен, появился кто-то живой, тёплый. Она могла просидеть со мной всю ночь, если я болел, держала за руку и рассказывала сказки. Водила гулять в парк, кормила уток в пруду. Показывала отцу мои школьные тетради с пятёрками и так искренне, так радостно хвалила меня, что он... он тоже начал смотреть на меня по-другому. Мы даже несколько раз выбирались куда-то все вместе — в зоопарк, в кино. Как настоящая семья. Как я всегда мечтал.

Рассказывая это, Гу Хэнчжи говорил абсолютно бесстрастно, отстранённо, словно речь шла о ком-то постороннем, о чужой, давно прочитанной книге. Казалось, прошло уже столько лет, что он и сам успел забыть то мимолётное, обманчивое тепло, ту недолгую весну в своей душе.

— А через два года она забеременела, — голос его дрогнул, но всего на мгновение. — Гу Цзыси родился слабеньким, болезненным, и всё их внимание, вся их забота — она переключилась на него. Целиком и полностью. С тех пор они больше никогда не брали меня с собой. Никуда. Она словно... превратилась в другого человека. Будто кто-то щёлкнул выключателем. Перестала заходить в мою комнату, перестала замечать мои оценки, перестала улыбаться мне. И главное — она не подпускала меня к Цзыси. Ни на шаг. Боялась, что я могу навредить её сыну. — Он горько усмехнулся. — Я, конечно, понимаю, маленький ребёнок, всё такое... Но я никогда, ни

разу в жизни даже мысли такой не допускал. А она смотрела на меня как на зверя, которого нужно держать подальше от колыбели.

В горле у Цзи Линьсюэ пересохло. Он хотел что-то сказать, но слова застревали, не находя выхода.

Самое страшное, подумал он, глядя на застывший профиль Гу Хэнчжи, не в том, что тебя никогда не любили. Самое страшное — когда тебе дают любви совсем чуть-чуть, самую малость, дают попробовать, какой она бывает на вкус, — а потом безжалостно, молча отнимают. Как после этого привыкнуть к холоду? Как снова научиться доверять?

— Смешно, да? — Гу Хэнчжи усмехнулся, но в этой усмешке не было и тени веселья. — Я не виню ни Цзыси, он вообще ни при чём. И их, в общем-то, тоже не виню. Я просто... просто иногда думаю: может, я и правда лишний в этой жизни? Может, я правда настолько противный, настолько отталкивающий, что меня невозможно любить? Что любая любовь ко мне — это какая-то ошибка, временное помутнение, которое рано или поздно проходит?

Он повернулся и посмотрел прямо в глаза Цзи Линьсюэ. Взгляд его был тяжёлым, пронзительным, но в глубине его таилась такая незащищённость, такая детская, ничем не прикрытая боль, что у Цзи Линьсюэ сжалось сердце.

— Даже ты, — тихо, почти шёпотом, произнёс Гу Хэнчжи. — Когда ты увидел меня в первый раз в классе, ты... ты тоже меня невлюбил. Я это сразу понял. По твоему взгляду.

Цзи Линьсюэ вздрогнул, словно от удара. Он поспешно, может быть, даже слишком поспешно, возразил:

— Это не так! То есть... это совсем не так, как ты думаешь!

Гу Хэнчжи молча смотрел на него. В этом молчании не было ни упрёка, ни злости — только тихое, спокойное ожидание. И от этого ожидания Цзи Линьсюэ становилось ещё невыносимее.

Цзи Линьсюэ на мгновение потерял дар речи. Язык словно прилип к гортани. А что он мог ему сказать? «Я просто прочитал о тебе в дурацкой книжке, где ты был описан как жестокий, бездушный монстр, и поэтому с первого взгляда составил о тебе предвзятое, несправедливое мнение»? Как это вообще можно было произнести вслух?

Увидев его замешательство, эту мучительную борьбу с самим собой, Гу Хэнчжи, к своему собственному удивлению, не почувствовал разочарования. Он лишь устало опустил глаза и, с удивительным для него самого великодушием, тихо сказал:

— Ничего страшного. Не хочешь — не говори. Я понимаю.

Цзи Линьсюэ отвёл взгляд в сторону, в тёмную, безмолвную глубину парка. Он долго колебался, чувствуя, как правда жжёт ему язык, требуя выхода. Но в конце концов, в сотый, наверное, раз за этот вечер, он так и не решился сказать правду. Слишком сложно, слишком неправдоподобно, слишком страшно было разрушить то хрупкое доверие, которое только-только начало зарождаться между ними.

<http://bllate.org/book/16531/1546028>